

рал: «А где экзекутор?» «Невесту пошел выглядывать». Чтоб не задал он такой невесты... (25).

А вот Подколесин на службу не торопится. Потому что, очевидно, им уже устроено все таким образом, что дела шли «сами собой», не требуя его личного присутствия на рабочем месте. Точнее, не он это устроил, а все устроилось опять-таки само собой. Кочкарев, расхваливая своего кандидата в женихи, убеждает Агафью Тихоновну, что он «*один почти управляет всем департаментом*» (33). Конечно, он употребляет спасительное «почти», но вряд ли он начал бы привирать об этом, будь служебное положение Подколесина ненадежным. Впрочем, Подколесин и сам замечает: «Я ведь каждое утро хожу в должность» (51), как будто забывая, что он каждое утро лежит на диване, изводит лакея и принимает сваху.

Подколесин оказывает на окружающих такое воздействие, что они начинают сами подстраиваться под него. При этом он не затрачивает на обеспечение этого процесса столько энергии, как Кочкарев. И это еще один повод для Кочкарева быть недовольным своим приятелем.

Кочкарев и Подколесин реализуют и воплощают собой два различных типа игры. Кочкарев суетливо и даже нервически реализует линейную игру, направленную на изменение условий вокруг. Перемены ради перемен – его девиз. «Зла хочет Кочкарев Подколесину? Нет. Добра? Тоже нет. Чего же тогда добивается? Действия! Ускорения! Перемены! Передряги! Сдвига! Обвальное-картинного, постановочно-дивного эффекта!»³ Подколесина же вполне устраивает игра его воображения. Он с удовольствием мечтает о женитьбе и счастлив этой своей мечтой. «Наружу» его игра прорывается в виде закольцованных, циклических действий, в которые он вовлекает практически всех, кто пытается с ним взаимодействовать.

Автор дает возможность Кочкареву временно доминировать, а его типу игры стать основным двигателем фабулы. Кочкарев выдергивает Подколесина из его мечтаний и вместе претворяет их в быль.

Подколесин уступает уговорам или бесцеремонному напору Кочкарева и худо-бедно в один

день переживает знакомство, ухаживание, сватовство и даже выражает готовность ехать к венцу. И вот за считанные минуты до счастливого заключения брака Кочкарев, лично контролирующий все приготовления к свадьбе, ненадолго оставляет его одного. Преисполненный радости Подколесин в эйфории упивается восторгом и даже мечтает осчастливить всех. Его воображение обретает невероятно гипертрофированную форму, одновременно очищая персонажа от кочкаревского морока и возвращая нам Подколесина-мечтателя. Мечтать – это его естественное состояние, атрибут его циклической игры, не предусматривающей кардинальных и необратимых изменений. И, вернувшись к своему подлинному «я», он возвращается из невестинного дома к себе через окно.

При этом фабульные существования и Кочкарева, и Подколесина оказываются одинаково разрушительными для окружающих. Макиавеллиевское презрение к людям Кочкарева и ограниченное эгоистическое равнодушие к чувствам других Подколесина обладают одинаковым негативным потенциалом. Их игры, направленные на удовлетворение собственных капризов и сиюминутных желаний, нарушают течение жизни других людей и, не привнося никаких положительных изменений, оставляют после себя ощущение сумятицы и конфуза.

Все это заставляет нас подвергнуть сомнению укореившийся тезис о безусловной виктимности Подколесина в рамках фабулы «Женитьбы». Кочкарев с Подколесиним находятся в динамическом равновесии сил, знаменуя противоположные по направлению, но близкие по мощи игровые предрасположенности человека.

Примечания

- ¹ См.: Бушуева М. «Женитьба» Н. Гоголя и абсурд. М., 1998.
- ² Гоголь Н. Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 5. С. 15. Далее ссылки в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ³ Прозоров В. В. До востребования... Избранные статьи о литературе и журналистике. Саратов, 2010. С. 66.

УДК 821.161.1.09+929 Гоголь

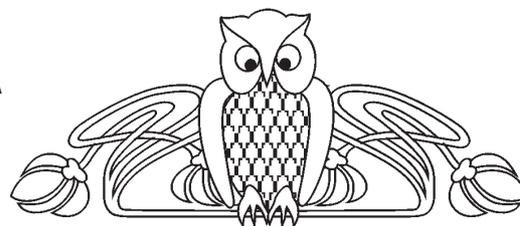
НЕМЕЦКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ГОГОЛЯ-УЧЕНИКА

Д. Л. Рясов

Саратовский государственный университет
E-mail: ryasow@mail.ru

В статье рассматриваются ученические письма Гоголя, в которых затрагивается немецкая тема, а также воспоминания современников, дополняющие картину фактами из биографии будущего писателя.

Ключевые слова: Гоголь, Германия, немцы, Нежинская гимназия, переписка, мемуары, национальный стереотип.

German Environment of N. V. Gogol as a Pupil

D. L. Ryasov

The article considers Gogol's letters of his school years in which the German topic is mentioned, as well as contemporaries' remi-

niscences complementing the picture with the biographical facts of the future author.

Key words: N. V. Gogol, Germany, Germans, Nezhinsk gymnasia, correspondence, memoirs, national stereotype.

Восприятие Германии Н. В. Гоголем в годы детства и юности представляет для исследователей весьма большой интерес: ведь впечатления, полученные человеком в раннем возрасте, во многом определяют его будущие стремления и дальнейшее отношение к жизни. Изучение литературы, языка, а главное, личные встречи с немцами – все это, разумеется, оставляло следы в памяти юного Николая.

Точно неизвестно, когда Гоголь впервые узнал о немцах и их стране. Любопытное свидетельство сохранилось в записках его младшей сестры, О. В. Головки. Она пишет, что Василий Афанасьевич отдал другую дочь, Марию, в пансион к немецкой преподавательнице. При этом мемуаристка замечает: «...отец любил немецкую аккуратность, вот ему и хотелось, чтобы и его дочь была аккуратна»¹. Это высказывание в какой-то мере проливает свет на обстановку, царившую в доме Гоголей. По всей видимости, культура Германии привлекала к себе их внимание.

В 1818 г. Гоголь вместе с братом Иваном был определен в Полтавское поветовое училище. По словам Ю. В. Манна, в числе трех языков, преподававшихся в этом заведении, значился и немецкий, однако все обучение было довольно поверхностным. Возможно, поэтому отец принял решение прервать занятия и поселить сыновей на квартиру к педагогу, который бы мог подготовить их к поступлению в Полтавскую гимназию. Однако вскоре младший брат Николая, Иван, тяжело заболел и умер, что стало большим ударом для всей семьи. В любом случае образование старшего сына необходимо было продолжать, и за его обучение взялся преподаватель латинского языка Гавриил Сорочинский. Как отмечает Манн, «более чем вероятно, что, не будучи гимназистом, Гоголь иногда посещал гимназию»², куда наставник периодически отправлял его для получения дополнительных знаний. Для нас интересен один из тамошних учителей, воспоминания о котором сохранились в мемуарах выпускника гимназии Ивана Боровиковского, занимавшегося иногда вместе с Гоголем на дому у Сорочинского. Он пишет о том, что преподаватель «немецкого и французского языков был немец, ротмистр прусской службы, Федор Иванович Целлариус, старик молчаливый и раздражительный»³. Возможно, это первый представитель немецкой нации, с которым юный Николай периодически встречался и общался по нуждам учебы. К сожалению, конкретных сведений о посещении Гоголем его уроков обнаружить не удалось, однако оно вполне могло иметь место, так как немецкий язык был одним из значимых предметов.

Так или иначе, Гоголю не суждено было обучаться в Полтаве. Отец решил отправить его в недавно открывшуюся Нежинскую гимназию

высших наук. Этот жизненный этап принес будущему писателю массу впечатлений и наблюдений. Оказавшись на новом месте, он начал постепенно осваиваться и знакомиться с представителями местного общества. Одним из них был немец по происхождению, надзиратель Егор Иванович Зельднер, на квартиру к которому, по договоренности с Василием Афанасьевичем, был определен юный гимназист. Педагог обещал отцу следить за воспитанием сына: «...мы все будем стараться ему отvikать худые привычки и научить его самой лучшей нрав»⁴. Но жизнь в обществе довольно строгого немца оказалась для мальчика, воспитывавшегося в совершенно иных условиях, тяжелым испытанием. Например, обед в доме «подавался так, что лишь при очень точном распределении порций его хватало на всех сидевших за столом»⁵. Таким образом, Николай, наверное, впервые в полной мере ощутил разницу между русским и немецким образом жизни. По всей видимости, Зельднер говорил с заметным акцентом и обладал специфической, «презабавной», как выразился А. С. Данилевский, внешностью. По его словам, как-то раз гувернер уговорился ехать в коляске вместе с ним и Гоголем. Но наутро воспитанники отправились в путь без надзирателя, ведь «когда он пускался в дорогу, с ним случалось расстройство желудка, да и в деревне жить с ним было не очень приятно»⁶.

Благодаря подобным деталям образ педагога был весьма ярким и запоминающимся. Однако в гоголевских письмах мы находим всего лишь одно крохотное упоминание об этом человеке, относящееся к июню 1821 г.: «...как во мне недостаток в платье то Егор Иванович заказал мне сделать летнее платье»⁷. Об «отеческой помощи» своему ученику он и сам не забывает намекнуть Василию Афанасьевичу: «...сын ваш нуждается деньгами, и я ему уже несколько давал по его просьбе»⁸.

Но все было далеко не так просто. Помимо прочего, Зельднер следил за тем, какую информацию Гоголь сообщал своим родителям. Известно, что под руководством надзирателя было создано короткое послание от 13 августа 1821 г., в котором Никоша покорно благодарит папеньку и маменьку за их «родительское расположение» и сообщает, что совершенно здоров. Однако на самом деле он ощущал себя куда хуже, о чем и рассказал в следующем письме, составленном четырнадцатого числа уже без ведома Зельднера: «...всякий Божий день слезы рекой льются и сам не знаю от чего, а особливо когда спомню об вас то градом так и льются» (X, 34).

Наличие столь противоречивых текстов напоминает о том, что к эпистолярному жанру необходимо относиться с большой долей осторожности. Заявления автора далеко не всегда отражают истинное положение вещей. В случае с текстами Гоголя это утверждение особенно актуально, учитывая, в частности, его склонность к актерству и всевозможного рода мистификациям. Но в любом

случае вмешательство постороннего человека в сугубо личный процесс создания письма не могло не оставить сильного впечатления в сознании ребенка. Невольно вспоминается почтмейстер Шпекин из комедии «Ревизор», бесцеремонно просматривавший чужие послания.

Любопытно, что подобная «работа» могла вестись и с другими квартирантами. Имеется свидетельство, по которому один из воспитанников гимназии отправил родственнику дерзкое, неуважительное письмо, созданное, как утверждал оскорбленный, «по наущению надзирателей»⁹. Так или иначе, но в марте 1822 г. Гоголь был переведен на казенное обеспечение и переехал от немца в гимназический пансион, где воспитателям было куда сложнее следить за всеми действиями постояльцев. Что же касается Зельднера, то он, помимо прочего, оставался для Гоголя еще и частью строгого преподавательского состава, с которым у всех детей так или иначе складываются особые, подчас непростые отношения.

Следует сказать несколько слов о самих педагогах и особенностях изучения иностранных языков в гимназии. Младшего профессора немецкого языка Миллера, работавшего в гимназии с конца 1820 г., Гоголь уже не застал (его зачислили только 1 мая 1821 г.), но зато вполне мог быть наслышан о его февральских «подвигах». Отмечалось, что Миллер, «явившись в комнаты воспитанников в неблагоприятном виде от излишнего употребления горячих напитков, делал <...> неприличия и оскорбительные соблазны»¹⁰. На заседании, где разбиралось поведение профессора, он также неблагопристойно вел себя и всячески грубил, после чего было принято решение отстранить его от занимаемой должности. На его место рекомендовали Зельднера, который уже имел опыт преподавания немецкой словесности до приезда Миллера и совмещал учебную деятельность с обязанностями гувернера.

Нужно оговорить, что надзиратели должны были не просто смотреть за поведением учеников, но и способствовать повышению их знания иностранных языков. Именно поэтому на такие должности стремились по возможности принимать выходцев из других стран. Н. Лавровский приводит выдержку из «правил распределения времени воспитанников пансиона», согласно которым гимназисты, проснувшись поутру, должны были разговаривать «на языке французском, если гувернер в дежурстве француз, или на немецком, если немец»¹¹. Среди далеко идущих планов директора гимназии И. С. Орлая можно встретить и более оригинальные. Например, лакеи и буфетчики, по его мысли, также должны были изъясняться с учениками на иностранных языках. Эта идея, однако, не нашла поддержки у почетного попечителя, который, тем не менее, советовал профессорам словесности вести предмет «не на русском как доселе сие производилось, но на том самом языке который преподается»¹².

Руководство старалось использовать даже увлечение некоторых гимназистов театром, требуя постановок французских и немецких сочинений. Как замечает Николай Артынов, брат двоих однокашников Гоголя, «из последних особенно часто игрались произведения Коцебу»¹³. Этот факт отчасти подтверждает и гоголевское письмо к матери от 26 февраля 1827 г., где одна исполнявшаяся учениками пьеса комедиографа обозначена как «немецкая» (названия Гоголь не дает), а другая («Береговое право») – указана уже среди «русских». Получается, что Коцебу ставился гимназистами не только в оригинале, но и в переводе. Увлечение творчеством этого драматурга появилось у Николая еще раньше. В 1824 г. он просил родителей прислать ему сразу две комедии немецкого автора – «Бедность и благородство души» и «Ненависть к людям и раскаяние». Говоря об иноязычных постановках гимназического театра и связи с ними Гоголя, можно сослаться на воспоминание Н. В. Кукольника. Однажды, распределяя персонажей германской пьесы, он поручил Гоголю небольшую роль, всего в двадцать стихов. Но на премьере Николай неожиданно забыл текст и вышел из положения, прочитав лишь первую и последнюю фразу своего монолога, что уже само по себе говорит о его непростом отношении к немецкому языку.

С необходимостью изучения зарубежной лексики Гоголь столкнулся еще в самом начале своего школьного пути. В одном из ранних гимназических писем он просит родителей прислать учебники по латинскому, французскому и немецкому языкам, в которых, по его словам, была большая необходимость. В числе прочих книг названы «Новые разговоры немецкие и российские», которые были разделены на 130 уроков и предназначались для начинающих. Тем не менее, ситуация с учебными пособиями в те годы многих не устраивала. «Немецкого Словаря, например, до сих пор у нас совсем нет даже порядочного»¹⁴, – сетует один из авторов «Московского телеграфа» за 1826 год. Так насколько же эффективны были методы обучения в гимназии и как влияли на воспитанников их учителя?

Еще одним учителем немецкой словесности был М. В. Билевич, приступивший к своим обязанностям в 1821 г. (позднее он занялся преподаванием политических наук). Отношения Гоголя с этим педагогом не заладились, и он запомнился ему далеко не с самой лучшей стороны. Однако летом 1824 г. должность младшего профессора занял Ф. И. Зингер, сразу же полюбившийся многим ученикам. Имевший блестящее образование и хороший поэтический вкус, он сумел привить многим воспитанникам страсть к немецкой литературе. В биографическом очерке, посвященном Зингеру, Н. В. Кукольник замечает, что «любовь к человечеству, составляющая поэтический элемент творений Шиллера, по свойству своему прилипчивая, быстро привилась»¹⁵ молодым гимназистам.

Интересно, что сам Гоголь в 1827 г. выписал из Лемберга Собрание сочинений Шиллера, о чем с восторгом сообщил в письме к матери. Однако, как заметил Н. Я. Прокопович, увлечение творчеством немецкого классика было недолгим: Николай вскоре забросил чтение из-за слабого знания языка. Судя по всему, Гоголь относился к нему с некоторой долей иронии. Таким образом, несмотря на все старания учителей и увлечение юноши немецкой культурой, язык все же давался ему с большим трудом.

Сотрудником гимназии, имевшим немецкие корни, был и врач Карл Фибинг, с которым Гоголь столкнулся в самом начале своего обучения. Лекарь упоминается еще в письме Зельднера к Василию Афанасьевичу от 1 сентября 1821 г. Надзиратель ссылается на него, говоря о здоровье юного Николая. По свидетельству гувернера, Фибинг во время регулярного обхода классов поинтересовался самочувствием мальчика и даже беседовал с ним целых 10 минут. Любопытно, что в списке должностных лиц, приведенном в книге «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко», указан период работы доктора в учебном заведении – с 1823 по 1833 г. Этот факт отчасти подтверждается словами Н. В. Кукольника, согласно которым директор И. С. Орлай, имея медицинское образование, два года «бесплатно исполнял должность гимназического врача»¹⁶, пока наконец штатным лекарем не назначили Фибинга. Сам Орлай начал работу лишь 1 ноября 1821 г., т. е. на два месяца позже упомянутого Зельднером случая. Получается, что доктор, не работая в гимназии, тем не менее, периодически посещал ее и следил за здоровьем воспитанников. Второй известный эпизод с участием Фибинга, о котором сообщают источники, произошел только в 1827 г. Когда профессор Билевич незаслуженно заподозрил в пьянстве Гоголя и его товарищей, занимавшихся организацией театра, доктор провел освидетельствование и нашел гимназистов абсолютно трезвыми, что, конечно, не могло их не обрадовать. То, что лекарем служил именно немец, было типичным явлением для того времени. Однако такое положение дел устраивало далеко не всех. Например, граф С. Р. Воронцов в одном из писем 1817 г. негодует, что «немцы-доктора, захватившие в свои руки медицину в России, убивают наших добрых соотечественников»¹⁷. В какой-то степени такие взгляды были присущи и Гоголю. Сам он в дальнейшем множество раз встречался с врачами-германцами, характеры которых в некоторой степени отразились в образе Христиана Ивановича Гибнера из комедии «Ревизор».

Отметим, что представители немецкой нации встречались не только среди сотрудников гимназии, но и в рядах ее воспитанников, что также нашло отражение в гоголевском эпистолярном наследии. Особое внимание стоит уделить личности одноклассника Гоголя, Михаила Риттера, происходившего из древнего немецкого рода. «Дед

его, дворянин княжества Зальцбург, <...> принял вечное российское подданство»¹⁸, – отмечает О. К. Супронюк.

Упоминания об этом человеке встречаются в письмах, адресованных старшему товарищу Гоголя, Г. И. Высоцкому. Он завершил образование еще в 1826 г. и поступил на службу в Петербург, куда также стремился и будущий писатель. До нас дошло всего три послания к этому адресату, но в них можно обнаружить интереснейшие подробности, касающиеся жизни в Нежине. Риттер упоминается в каждом из этих текстов. При этом Гоголь ни разу не называет его по фамилии, а лишь использует прозвища, данные воспитаннику в гимназии, причем в первом письме, от 17 января 1827 г., перечисляет сразу несколько: «Барончик, Доримончик, фон-Фонтик-Купидончик, Мишель Дюсенька, Хопчики здрав и невредим, и час от часу глупеет» (X, 81). Чем же было вызвано столь ироничное отношение со стороны Гоголя? Всевозможные вариации некоторых из них (Барончик, фон-Фонтик, барон Кунжут-фон-Фонтик, в одном месте даже просто «фон») явно намекают на немецкие корни молодого человека. Родовая приставка характерна для представителей германского народа, равно как и титул барона. С. В. Оболенская, говоря об отношении к иностранцам, замечает, что «вскользь брошенные замечания, усмешки, анекдоты, прозвища, неосознанное усвоение принятых в данной среде культурных норм формируют стереотипы»¹⁹, которые, без сомнения, усваивал и Гоголь.

Именования «Доримончик» и «Девинье» явно отсылают нас к французским актерам и драматургам XVII в. и, возможно, указывают на страсть Риттера к литературе. Как и многие воспитанники гимназии, юноша писал стихотворения, одно из которых даже опубликовал в «Дамском журнале». Как пишет О. К. Супронюк, школьное стихотворение самого Гоголя, «Новоселье», было тематически близко произведению Риттера. Тем не менее, по словам исследовательницы, эти опыты далеко не впечатляли молодого Николая, который собрал его стихи и поместил их в рукописный журнал под названием «Парнасский навоз». В «Записках о жизни Н. В. Гоголя» П. Кулиша также приводится рассказ об этом случае, но без указания на личность «жертвы» гоголевской шутки: «Был в гимназии один ученик с необыкновенною страстью к стихотворству и с отсутствием всякого таланта – словом, маленький Тредьяковский»²⁰. Под такую формулировку, в принципе, могли подпадать многие из воспитанников учебного заведения. В. Авенариус в книге «Гоголь-студент» (впрочем, не относящейся к серьезным научным источникам) также указывает на Риттера, а Н. Степанов в монографии «Гоголь» и вовсе говорит о стихах Кукольника, которого, тем не менее, довольно сложно упрекнуть в беспомощности. Несколько иную картину рисует в своих мемуарах В. И. Любич-Романович. С. Гле-

бов записал от него следующую версию: Гоголь сам присылал стихотворения в издававшийся другими гимназистами рукописный журнал «Навоз парнасский», «но им не давали места на столбцах издания»²¹. Мемуары бывшего воспитанника были напечатаны в февральском номере «Исторического вестника» за 1902 г. Но в другой версии воспоминаний, опубликованной Глебовым уже в 1910 г., представлены совершенно противоречащие представленному заявлению данные. Гоголь «в своем „Навозе парнасском“ осмеивал нас, учеников лицея и других, причастных к этому учебному заведению лиц»²², – замечает Любич-Романович. Все это заставляет относиться к его рассказу с большой долей осторожности, учитывая, помимо прочего, недоброжелательность к личности Гоголя. Как справедливо заключает относительно происхождения «Парнасского навоза» Ю. В. Манн, «нельзя исключать ни ту ни другую возможность»²³. Что же касается отношения Риттера к возможной гоголевской шутке, то оно может быть правдоподобным, особенно если учитывать его репутацию в гимназии и всевозможные чудачества.

О некоторых из них Гоголь и сообщает Г. И. Высоцкому, описывая все подробности с большим увлечением. В письме от 19 марта 1827 г. можно обнаружить рассказ о том, что Риттер «пьяный подрался с Канчотихою, судились в земском суде» (X, 86). Кроме того, он заявил, что желает отправиться в Московский университет, передал отцу довольно грубые слова и вовсе покинул гимназию. Из послания 26 июня мы узнаем о новом его «похождении»: на сей раз Риттер «подал было прошение о принятии его в драгунский полк; но благоразумный отец, узнав об этом, отеческою рукою расписал ему задний фасад» (X, 100). После этого случая Михаил благополучно вернулся в гимназию.

Правдивость этих историй установить вряд ли возможно, однако О. К. Супронюк обнаружила любопытные документы, а именно рапорты гимназического гувернера Августа Амана, в одном из которых надзиратель жалуется директору Орлаю: «Риттер ударил так сильно пансионера Ивана Пащенко, что сей с ног свалился»²⁴. Наличие подобного свидетельства позволяет говорить о дерзком и порой необычном поведении данного пансионера. Потому вполне могут соответствовать действительности и крайне интересные воспоминания гимназиста Тимофея Пащенко (брата упомянутого Ивана), посвященные курьезному случаю с участием Риттера и Гоголя.

Как пишет мемуарист, Николай, зная о мнительности своего однокашника, решил подшутить над ним и убедил, что у того «бычачьи глаза». «Подводит Риттера несколько раз к зеркалу, тот пристально всматривается, изменяется в лице, дрожит»²⁵, – описывал Пащенко реакцию молодого человека. Риттер был совершенно обескуражен и обратился к своему слуге с фразой: «Видишь,

Семен, у меня бычачьи глаза...»²⁶ и получил утвердительный ответ от подговоренного Гоголем лакея. На следующий день, согласно указанному источнику, Риттер с мучившим его вопросом отправился к самому директору Орлаю, после чего был на неделю помещен в больницу.

Если присмотреться к этой истории внимательно, можно обнаружить, что причуды гимназиста в чем-то напоминают поведение майора Ковалева из повести «Нос». Когда потерявшийся орган наконец вернулся на законное место, коллежский асессор не сразу в это верит и постоянно ищет подтверждения его наличия. Где позволяет возможность, он смотрится в зеркало; невзначай спрашивает своего слугу: «А посмотри, Иван, кажется, у меня на носу, как будто прыщик» (III, 73), при этом втайне опасаясь, что Иван не только прыщика, но и самого носа не увидит на его лице. Разрабатывая тему мотива пристального взгляда в гоголевских повестях, Т. А. Волоконская замечает, что для Ковалева «возвращение носа не станет реальностью, пока как можно больше людей не увидит его на месте»²⁷. То же происходит и с легковерным гимназистом, мнение которого полностью опирается на слова других. Как и в случае обращения Риттера к директору, Ковалев также собирается к самому авторитетному из своих знакомых: «...если и майор не треснет со смеху, увидевши меня, тогда уж верный знак, что все, что ни есть, сидит на своем месте» (III, 74). Если можно отнестись с доверием к поведенной рассказчиком нежинской истории, то сходство в поведении героя Гоголя и его соученика проступает весьма определенное.

Несколько слов следует сказать о немцах, не имевших отношения к обучению Гоголя, но при этом так или иначе связанных с его семьей. На их личности намекают строки некоторых гимназических писем. В одном из ранних посланий мальчика в Васильевку он волнуется, определена ли в пансион его сестра Мария. Этим заведением руководила немка по фамилии Арендт, в прошлом управлявшая Полтавским институтом благородных девиц. Именно о ней писала О. В. Головня, говоря об «учительнице-немке». Сам Николай также серьезно относился к образованию сестры и уделял ему большое внимание. Один раз он даже прислал ей посылкой несколько книг, среди которых были, в частности, две немецкие, за что Мария была очень благодарна. Что же касается упомянутой госпожи Арендт, то она, помимо прочего, являлась матерью известного врача, лейб-медика Николая I Н. Ф. Арендта. С ним Гоголь был лично знаком и впоследствии высоко отзывался о его таланте.

Другая иностранная фамилия встречается в письме к матери от 17 апреля 1827 г. Гоголь любопытствует, какие события происходят в Кибинцах, имении Д. П. Трошинского, и говорит о некоем Сакене, возвратившемся туда из Петербурга. Речь идет о бароне С. К. Остен-Сакене, полковнике,

происходившем из древнего немецкого рода. Он являлся женихом княжны П. И. Хилковой, внучки именитого «благотетеля» семейства Гоголей. По всей видимости, Николай был осведомлен об этом, и ему хотелось узнать новые подробности. В письме от 30 августа он спрашивает у матери, не собирается ли она поехать на свадьбу, которая в итоге состоялась в Кишиневе. В послании к П. П. Косяровскому (13 сентября) Гоголь иронизирует над всей этой ситуацией, замечая, что «княжна перерядилась в баронессу» (X, 107). Разумеется, нельзя утверждать, что именно факт бракосочетания Хилковой с немцем развеселил будущего автора «Мертвых душ». Приведенная фраза может быть объяснена как общим характером письма, в котором встречаются довольно занятные именованные обитатели Кишинева (Дорогой, Пупура, Чцююшка), так и личностью самой новоявленной «баронессы». В Капнист-Скалон замечает, что из-за повышенного внимания со стороны молодых людей «характер ее испортился, она в свою очередь сделалась большой кокеткой»²⁸. Тем не менее, столь пристальное внимание Гоголя к браку Хилковой и Остен-Сакена является примечательным.

Свидетельств о встречах и личном общении Н. В. Гоголя и немцев во время его детства и юности не так уж много, однако все они по-своему ярко характеризуют натуру будущего писателя. Неподдельный интерес Гоголя к немецкой литературе и культуре, проявившийся несколько позднее в поэме «Ганц Кюхельгартен», сочетался порой с ироничным отношением к немцам настоящим, ежедневно встречавшимся ему в стенах гимназии. Германцы долго жили бок о бок с русскими, они успели стать неотъемлемой частью общества того времени, и встреча с ними вряд ли могла вызывать удивление. Однако различия в менталитете, в отношении к традиционным жизненным ценностям все же проявлялись в характерных деталях, подмеченных Гоголем и отразившихся позднее в его писательских трудах.

Примечания

- ¹ Из семейной хроники Гоголей. Мемуары О. В. Гоголь-Головни // *Виноградов И. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников* : в 3 т. Т. 1. М., 2011. С. 195.
- ² *Мани Ю.* Гоголь. Книга первая. Начало : 1809–1835 годы. М., 2012. С. 60.
- ³ *Боровиковский И.* Воспоминания о Полтавской гимназии и Харьковском университете за столетия назад. Фрагмент // *Виноградов И. Указ. соч.* С. 418.
- ⁴ *Щеголев П.* Школьные годы Гоголя // *Исторический вестник.* 1902. Февраль. С. 521.
- ⁵ *Степанов Н.* Гоголь. М., 1961. С. 34.
- ⁶ *Шенрок В.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя : в 4 т. Т. 1. М., 1892. С. 100.
- ⁷ *Гоголь Н.* Письмо Гоголям В. А. и М. И., 10 июня 1821 г. Нежин // *Гоголь Н. Полн. собр. соч.* : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 10. С. 33. В дальнейшем все ссылки на письма и художественные произведения Гоголя приводятся по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках.
- ⁸ *Щеголев П.* Указ. соч. С. 521.
- ⁹ *Лавровский Н.* Гимназия Высших Наук Князя Безбородко // *Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко* : сб. СПб., 1881. С. 52.
- ¹⁰ Там же. С. 35.
- ¹¹ Там же. С. 48.
- ¹² *Сребницкий И.* Материалы для биографии Н. В. Гоголя из архива Гимназии высших наук // *Гоголевский сборник, изданный состоящей при Историко-Филологическом Институте Кн. Безбородко Гоголевской Комиссией.* Киев, 1902. С. 338.
- ¹³ *Мацевич Л.* Гоголь и Кукольник в Нежинской гимназии // *Русский Архив, издаваемый Петром Бартевым.* 1877. № 10. С. 193.
- ¹⁴ *К.* Полный Французско-Российский Словарь, сочиненный по пятому изданию Словаря Академии Французской // *Московский телеграф, издаваемый Николаем Полевым.* 1826. Ч. 9. С. 26.
- ¹⁵ *Кукольник Н. Ф. О. Зингер* // *Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко.* С. 262.
- ¹⁶ *Кукольник Н. И. С. Орлай* // Там же. С. 199.
- ¹⁷ Выдержка из частного письма в Москву к графине Бальмен // *Русский Архив, издаваемый Петром Бартевым.* 1877. № 9. С. 112.
- ¹⁸ *Супронюк О.* Литературная среда раннего Гоголя // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка.* 1991. Т. 50. № 1. С. 66.
- ¹⁹ *Оболенская С.* Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 9.
- ²⁰ *Николай М. (Кулиш П.).* Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем : в 2 т. СПб., 1856. Т. 1. С. 27.
- ²¹ *Глебов С.* Гоголь в Нежинском лицее. (Из воспоминаний В. И. Любич-Романовича) // *Исторический вестн.* 1902. Февраль. С. 551.
- ²² *Глебов С.* Воспоминания о Гоголе // *Русская старина.* 1910. № 1. С. 72–73.
- ²³ *Мани Ю.* Указ. соч. С. 126.
- ²⁴ *Супронюк О.* Из комментариев к письмам Н. В. Гоголя // *Русская литература.* 1989. № 1. С. 158.
- ²⁵ *Пащенко Т.* Черты из жизни Гоголя // *Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников.* М., 1952. С. 42.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ *Волоконская Т.* Мотив пристального взгляда в петербургском цикле Н. В. Гоголя // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика.* 2014. Т. 14. вып. 1. С. 59.
- ²⁸ *Капнист-Скалон С.* Воспоминания // *Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов* : в 2 т. / общ. ред. Ю. Г. Оксмана, С. Н. Чернова. М., 1931–1933. Т. 1. С. 332.